Arianna Stinchelli*
Литературный институт им. А. М. Горького
arianna.stinchelli@hotmail.it

УДК 821.161.1.09-31“18“
https://doi.org/10.18485/slavistika.2024.28.1.11
прегледни рад
примљен 24. 5. 2024.
прихваћен за штампу 25. 9. 2024.

РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕРОЯ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ЖАНРОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ РОМАНА «*ПОДРОСТОК*» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В данной статье рассматривается жанровая принадлежности романа «*Подросток*» Ф. М. Достоевского и показывается взаимосвязь, существующая между литературным жанром и стилем речи, используемым рассказчиком, а также психологическими выводами, возникающими из речевой характеристики. Для этого анализируется одно из самых важных эпизодов в книге, то есть «*Я хочу стать Ротшильдом*». В связи с анализируемой речью показаны идеологические, психологические и стилистические интерпретации Т. А. Касаткиной, А. Г. Гачевой и Е. В. Степанян-Румянцевой. Цель состоит в том, чтобы показать, как лингвистика, литература и психология сосуществуют и как междисциплинарный подход является наиболее желательным в практике литературной критики.

Ключевые слова: «*Подросток*», Достоевский, речь, жанр, психология, характеристика персонажа, литература, лингвистика.

This article defines the genre which F. M. Dostoevsky’s novel *The Adolescent* belongs to and shows the relationship that exists between the literary genre and the style of speech used by the narrator, as well as the psychological consequences arising from the speech characteristics. To do this, one of the most important episodes in the book is analysed, that is, «I want to become a Rothschild». In connection with the analysed speech, the ideological, psychological and stylistic interpretations of T. A. Kasatkina, A. G. Gacheva and E. V. Stepanyan-Rumyantseva are mentioned. The aim is to show how linguistics, literature and psychology coexist and how an interdisciplinary approach is most desirable in the practice of literary criticism.

Keywords: *The Adolescent*, Dostoevsky, speech, genre, psychology, characterization, literature, linguistics.

Роман «*Подросток*» занимает совершенно особое место в художественной системе Ф. М. Достоевского. С одной стороны, произведение соотносится с традициями романа воспитания мировой литературы. С другой – роман представляет собой единичный случай прежде всего своими жанрово-стилистическими особенностями. Достоевский дает указание на жанр через подзаголовок «записки юноши», и уже в этом определении заключено ядро особенности романа, то есть его жанр и его рассказчик.

* https://orcid.org/0009-0000-3198-3693

Жанр «записок» – это мемориальный жанр, близкий к жанру «дневника», в котором рассказчик, известен или неизвестен, записывает определенные события, которые он считает важными. Рассказчик может быть главным героем событий, но чаще всего он свидетель внешних событий, с которыми он связан по разным причинам. В зависимости от участия рассказчика в рассказываемых событиях могут быть разные степени объективности (когда рассказчик преследует абсолютную объективность, жанр приближается к «хронике»), однако рассказчик всегда является центром организации текста. Это приводит к тому, что жанр «заметок», как правило, характеризуется определенной степенью хаотичности, поскольку рассказчик полностью полагается на свою собственную память и сообщает о событиях в соответствии со своим личным восприятием.

В случае с «*Подростком*» Достоевского обнаруживаются характерные элементы жанра, и они действительно доводятся до крайности самой природой рассказчика, то есть «юноши». Психологический портрет рассказчика-главного героя Аркадия Долгорукого изображает его неопытным и наивным мальчиком, часто импульсивным и полностью управляемым своими эмоциями, особенно желанием заявить о себе и соперничать, чтобы искупить свое положение как незаконнорожденного сына. Важность отражения точки зрения молодого человека особенно значима для Достоевского, как написано в примечаниях к роману в списке правил, которые писатель ранжирует при создании романа: «2-е правило в том, что герой –Подросток. А остальное все второстепенность, даже ОН – второстепенность. Поэма в Подростке и в идее его или, лучше сказать, – в Подростке единственно как в носителе и изобретателе своей идеи» (Достоевский 1976: 175), и там же Достоевский объясняет, что для лучшего представления личности подростка необходимо использовать повествование от первого лица: «Обдумывать рассказ от Я. Много выгоды; много свежести, типичнее выдается лицо Подростка. Милее. Лучше справлюсь с лицом, с личностью, с сущностью личности» (Достоевский 1976: 86). Т. А. Касаткина отмечает, что выбор Достоевского использовать этот тип повествования – это также выбор, чтобы расширить возможности главного героя и сделать его ответственным за свою судьбу. С этой точки зрения следует учитывать, что даже события, которые напрямую не связаны с главным героем, всегда должны анализироваться в отношении и влиянии, которые они оказывают на Аркадия (Касаткина 2004: 195–196).

Такие характеристики делают рассказчика совершенно ненадежным, часто по его собственному признанию. Именно эмоциональность рассказчика оказывается важнейшим элементом стилистической характеристики романа. Если на одной стороне читатель не доверяет рассказчику из-за его отсутствия рациональности, на другой стороне эмоциональность юноши до-

бавляет достоверность, потому что под влиянием чувств и сильных эмоций Аркадий рассказывает события именно так, как он их переживал и принял. Поэтому, эмоциональность является одним из главных приемов писателя, чтобы реалистично изображать психологию подростка.

Такие элементы хаотичности и нелинейности также являются частью более сложного замысла Достоевского. Первоначально, по сути, писатель хотел назвать роман «*Беспорядок*», и как с помощью повествовательных и композиционных элементов (таких как переполненность персонажей и эпизодов), так и с помощью лингвистических и стилистических элементов, как мы увидим позже, Достоевский хочет изобразить социальный и моральный беспорядок, который характеризовал Россию того времени.

Возьмем для анализа фрагмент романа, в котором подросток впервые раскрывает читателю, какова его «идея», план, которому он решил посвятить свою жизнь:

> «Моя идея – это стать Ротшильдом. Я приглашаю читателя к спокойствию и к серьезности. Я повторяю: моя идея – это стать Ротшильдом, стать так же богатым, как Ротшильд; не просто богатым, а именно как Ротшильд. Для чего, зачем, какие я именно преследую цели – об этом будет после. Сперва лишь докажу, что достижение моей цели обеспечено математически. Дело очень простое, вся тайна в двух словах: упорство и непрерывность.
>
> - Слышали, – скажут мне, – не новость. Всякий фатер в Германии повторяет это своим детям, а между тем ваш Ротшильд (то есть покойный Джемс Ротшильд, парижский, я о нем говорю) был всего только один, а фатеров мильоны.
>
> Я ответил бы:
>
> - Вы уверяете, что слышали, а между тем вы ничего не слышали. Правда, в одном и вы справедливы: если я сказал, что это дело «очень простое», то забыл прибавить, что и самое трудное. Все религии и все нравственности в мире сводятся на одно: «Надо любить добродетель и убегать пороков». Чего бы, кажется, проще? Ну-тка, сделайте-ка что-нибудь добродетельное и убегите хоть одного из ваших пороков, попробуйте-ка, – а? Так и тут.
>
> Вот почему бесчисленные ваши фатеры в течение бесчисленных веков могут повторять эти удивительные два слова, составляющие весь секрет, а между тем Ротшильд остается один. Значит: то, да не то, и фатеры совсем не ту мысль повторяют» (Достоевский 1975: 66).

В этом фрагменте на стилистическом уровне ярко проявляется острая и все ещё не решенная проблема для личности рассказчика и последствия,

которые она создает. Первый аспект, который следует учитывать, повторяемый несколько раз во фрагменте и внутри всего романа, – это обращения к читателю («я приглашаю *читателя* к спокойствию и к серьезности»). Жанр «заметок» предполагает, что рассказчик пишет, чтобы кто-то в будущем прочитал свою историю (этот кто-то также может быть тем же рассказчиком), и по этой причине он часто вступает в настоящий диалог с предполагаемым читателем.

Второй аспект, который следует учитывать, – это диалектика молодого человека. В этом фрагменте, например, читатель диалектически включается в дискурс, как возможный противник рассказчика («*слышали*, – *скажут* мне – не новость»). Молодой человек представляет себе реплики и критику, которые могут оспорить идею, имеющую для него жизненно важное значение, и неловко пытается их опровергнуть. В этом он полностью демонстрирует свою подростковую душу, постоянно противоречащую миру (особенно миру взрослых) и ища одобрения и уверенности. С этим аспектом также связана абсолютная необходимость Аркадия подтвердить исключительность своей идеи и ее новаторский характер, поведение, типичное для подростков, которые чувствуют необходимость дифференцировать себя и получить свое место в мире. Однако, ощущение другого как «противника» ограничивается, так как любой взрослый человек, разговаривая с юношей, не будет с ним спорить, а наоборот он заставит его выразить свои идеи и мнения, чтобы он сам мог прозреть благодаря диалогу; именно так относится Достоевский к своему подростку.

И противопоставление другому, и необходимость подчеркнуть уникальность своей идеи тесно связаны с концепцией «беспорядка», введенной ранее. Т. А. Касаткина утверждает, что это симптомы потери Бога (замененного деньгами и властью в идее Аркадия) и всеединства мира (Касаткина 2004: 182–183). Таким образом, человек изолирует себя в своей индивидуальности и убеждается в своей уникальности, не в состоянии найти точку соприкосновения с обществом. Однако в интерпретации Касаткиной доказано, что истинная цель Аркадия – воплотить образ Христова и стать «солнцем миру», исходя именно из идеи Достоевского о том, что самый пылкий атеист на самом деле гораздо ближе к вере, чем обычный верующий (Касаткина 2004: 189). Это означает, что анализируемый здесь дискурс уже имеет в себе ядро более поздней эволюции Аркадия.

Третий стилистический аспект, связанный с предыдущим аспектом, заключается в том, что повествовательный стиль Аркадия часто повторяет типичные структуры речи, как это вытекает из использования императивов, опять же используемых как провокационный инструмент («*Ну-тка, сделайте-ка* что-нибудь добродетельное и *убегите* хоть одного из ваших пороков,

попробуйте-ка, – а?»). Это особенно характерный аспект жанра «заметок», поскольку рассказчик очень часто не является автором, а иногда лишен эстетической или художественной цели, а отвечает на изначальную потребность рассказать, чтобы не забыть, и поэтому полагается на свои собственные навыки повествования, которые часто повторяют устное повествование.

Однако у рассказчика есть идея, хотя иногда и не очень ясная, как организовать материал своего рассказа. В случае подростка это выражается на стилистическом уровне с предвидениями, отступлениями, воспоминаниями. В этом фрагменте, например, рассказчик предвидит, что он разработает концепцию в будущем («для чего, зачем, какие я именно преследую цели – *об этом будет после*»), в то время как во многих других случаях, напротив, он предвидит некоторые события с намерением объяснить себя или сделать некоторые аспекты более ясными для читателя.

Результатом всех этих аспектов является нелинейный, хаотичный, дисперсионный стиль повествования, идеально подходящий для психологии подростка. Заметки, составляющие роман, являются результатом потока сознания молодого человека и прекрасно представляют его беспокойную душу. Сам рассказчик осознает это, и на самом деле есть множество комментариев относительно самого себя, что является дополнительным стилистическим элементом.

Кроме того, это невротическое, эмоциональное и прямое повествование также создает высокий и динамичный ритм. Е. В. Степанян-Румянцева описывает его как немеханический ритм с переменными волнами и утверждает, что такой ритм происходит от повторения двойных элементов в ходе повествования (Степанян-Румянцева 2021: 126). Это «двойной» элемент присутствует на самом деле и в анализируемой речи, так как рассказчик дважды повторяет свое утверждение «Моя идея – это стать Ротшильдом», тем самым усиливая пафос и решительность Аркадия и в то же время ритм.

Как и написано ранее, стилистические и лингвистические особенности дискурса Аркадия приобретают историческое и социальное значение, став практическим примером морального беспорядка пореформенной России (сама идея стать Ротшильдом с этически-моральной точки зрения является результатом нигилизма и материализма того времени). Такая текстовая характеристика была определена Т. А. Касаткиной как «вязкий» текст, то есть, казалось бы, загадочный текст, который постепенно проясняется (Степанян-Румянцева 2021: 119). Таким образом, читателю приходится «терпеть» замешательство подростка, чтобы расти вместе с ним на протяжении всего романа и понимать послание автора в результате эволюции главного героя и растущей ясности самого текста.

К выделенным здесь элементам речи следует добавить еще один основополагающий аспект всего романа и характеристики персонажа, а именно состояние Аркадия как незаконно-рождённого сына. Травматическое детство главного героя, постоянно преследуемого своим несчастным социальным положением, привело к развитию той агрессии, раздражительности и решительности, которые появляются в анализируемой речи. Сама идея стать «Ротшильдом», то есть получить третью фамилию в дополнение к приобретенной фамилии Долгорукий и фамилии настоящего отца Версилов, проистекает именно из необходимости самоопределения, усугубляемой неродственностью.

Согласно анализу А. Г. Гачева, который сравнивает философию Достоевского с философией Н. Фёдорова, идея стать Ротшильдом является результатом «торгово-промышленной» структуры общества, которая приближает человека к материальному и отдаляет его от человечества и божественного. Это влечет за собой крайнюю атомизацию бытия, изоляцию и противопоставление другому, которое сильно проявляется в речи Аркадия (Гачева 2021: 68–69). Гачева объясняет, как это происходит из представления Фёдорова о том, что земное родство должно совпадать с божественным родством и единством Троицы в пути восстановления всемирного родства (Гачева 2021: 62–63); с этой точки зрения отказ Аркадия от своего родства – это почти «еретический» акт, ведущий к дальнейшему растворению своего внутреннего «я» и того внутреннего конфликта, который в речи Аркадия возникает с частыми противоречиями и суждениями по отношению к самому себе и другим (Гачева ведет тенденцию к суждению именно к неродственности). Именно утрата морали, вытекающая из отдаленности от родства, ведет к аморальному замыслу стать Ротшильдом.

Сохраняя эту точку зрения, жанр «романа воспитания» приобретает гораздо более высокую и трансцендентальную валентность, сочетающую социально-экономическое измерение с метафизико-религиозным, то есть эволюцию от неродственности к родству, что приводит в ходе романа к преодолению идеи стать Ротшильдом и частичному разрешению его конфликта с фигурой отца и, следовательно, Бога (таким образом, можно наверное говорить о жанре «восстановления родства»). Анализируемая здесь речь, таким образом, является проявлением только одной стадии развития подростка, однако фундаментальной для понимания его психологии и внутренней борьбы.

Создание такого психологического портрета юноши является основной целью писателя. Известное высказывание Достоевского: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой» (Достоевский 1984: 65). В этом романе такое намерение выражается именно в стиле и в сказе рассказчика.

О том, что жанрово-стилистический аспект был особенно важен для Достоевского, свидетельствует тот факт, что роман заканчивается именно внешней оценкой записок юноши Николаем Семеновичем, который комментирует их важность как средства личного развития Аркадия и как основу для возможного будущего романа: «И никогда не могли вы, незабвенный Аркадий Макарович, употребить с большею пользою ваш временный досуг, как теперь, написав эти ваши «Записки»! […] Твердо верю, что сим изложением вы действительно могли во многом «перевоспитать себя», как выразились сами» (Достоевский 1975: 452). В этом комментарии сам автор предполагает, что неполная, ненадежная и запутанная сущность текста необходима как верное воспроизведение подростка и выглядит почти как дань уважения этой сложной фазе существования: «Уцелеют по крайней мере хотя некоторые верные черты, чтоб угадать по ним, что могло таиться в душе иного подростка тогдашнего смутного времени, –дознание, не совсем ничтожное, ибо из подростков созидаются поколения...» (Достоевский 1975: 454). В то же время, связывая дискурс с предыдущей идеей «беспорядка», нравственный рост подростка является предвестием надежды на возвращение к порядку и «благообразию» самой России, как если бы сама страна должна была вырасти из подросткового хаоса в порядок взрослой зрелости. Таким образом, Достоевский поручает молодым людям восстановить моральные основы своей страны.

С помощью этого краткого анализа мы пытались продемонстрировать, как лингвистика, литература и психология сосуществуют в литературоведении и как междисциплинарный подход является одним из наиболее желательных не только в анализе творчества Достоевского и русской литературы а в практике литературной критики в целом.

Использованная литература

Воронина, Эльвира А., ««Подросток» Ф. М. Достоевского как роман воспитания: своеобразие жанровой модели». Вестник ЮУрГУ 2, Серия: Лингвистика, 2015: 15–21.<https://cyberleninka.ru/article/n/podrostok-f-m-dostoevskogo-kak-roman-vospitaniya-svoeobrazie-zhanrovoy-modeli> 18.05.2024.

[Voronina, Èl′vira A., ««Podrostok» F. M. Dostoevskogo kak roman vospitaniâ: svoeobrazie žanrovoj modeli». Vestnik ÛUrGU 2, Seriâ: Lingvistika, 2015: 15–21. <https://cyberleninka.ru/article/n/podrostok-f-m-dostoevskogo-kak-roman-vospitaniya-svoeobrazie-zhanrovoy-modeli> 18.05.2024]

Гачева, Анастасия Г. ««Восстановление родства»: роман «Подросток» как пролог к диалогу Н.Ф. Федорова и Ф.М. Достоевского.» Достоевский и мировая культура. Филологический журнал 16/4, 2021: 58–87.

[Gačeva, Anastasiâ G. ««Vosstanovlenie rodstva»: roman «Podrostok» kak prolog k dialogu N.F. Fedorova i F.M. Dostoevskogo. Dostoevskij i mirovaâ kul′tura. Filologičeskij žurnal 16/4, 2021: 58–87]

Достоевский, Фёдор М., Днев<ник> 1881. Полное собрание сочинений в 30 томах, Т. 27, Л: Наука, 1984.

[Dostoevskij, Fëdor M., Dnev<nik> 1881. Polnoe sobranie sočinenij v 30 tomah, T. 27, L: Nauka, 1984]

Достоевский, Фёдор М., Подросток. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 13, Л.: Наука, 1975.

[Dostoevski,j Fëdor M., Podrostok. Polnoe sobranie sočinenij: v 30 t. T. 13, L.: Nauka, 1975]

Достоевский, Фёдор М., Подросток. Рукописные редакции. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 16, Л.: Наука, 1976.

[Dostoevskij, Fëdor M., Podrostok. Rukopisnye redakcii. Polnoe sobranie sočinenij: v 30 t. T. 16, L.: Nauka, 1976]

Захаров, Владимир Н., Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Ленинград, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина: 1985.

[Zaharov, Vladimir N., Sistema žanrov Dostoevskogo: Tipologiâ i poètika. Leningrad, Leningradskij gosudarstvennyj universitet im. A. S. Puškina: 1985]

Касаткина, Татьяна А. «Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: «Идея» героя и идея автора». Вопросы литературы 1, 2004: 181–212.

[Kasatkina Tat′âna A. «Roman F. M. Dostoevskogo «Podrostok»: «Ideâ» geroâ i ideâ avtora». Voprosy literatury 1, 2004: 181–212]

Степанян-Румянцева, Елена В. «Образы-двойчатки и их функция в тексте «Подростка»». Достоевский и мировая культура. Филологический журнал 14/2, 2021: 116–127.

[Stepanân-Rumânceva, Elena V. «Obrazy-dvojčatki i ih funkciâ v tekste «Podrostka»». Dostoevskij i mirovaâ kul′tura. Filologičeskij žurnal 14/2, 2021: 116–127]

Ткаченко, Ольга Ю. «Образ рассказчика как образ ритора в романе Ф. М. Достоевского «Подросток»: к проблеме трансформации образа рассказчика в художественном тексте». Вестник Литературного института им. А. М. Горького 2–3, 2021: 74–83.

[Tkačenko, Ol′ga Û. «Obraz rasskazčika kak obraz ritora v romane F. M. Dostoevskogo «Podrostok»: k probleme transformacii obraza rasskazčika v hudožestvennom tekste». Vestnik Literaturnogo instituta im. A. M. Gor′kogo 2–3, 2021: 74–83]

Аријана Стинкели

ГОВОРНА КАРАКТЕРИСТИКА НАРАТОРА У ОРЕЂИВАЊУ ЖАНРОВСКЕ СПЕЦИФИЧНОСТИ РОМАНА *МЛАДИЋ* Ф. М. ДОСТОЈЕВСКОГ

Резиме

Овај чланак посвећен је лингвистичкој анализи говора протагонисте романа Достојевског *Младић*, његовом поређењу с књижевним жанром романа и психолошким импликацијама.

Рад започиње одређењем жанра „забелешки", коме припада овај роман, уз истицање главних карактеристика као што је важност наратора, нарација као чин сведочења о спољним догађајима, хаотични стил и организација наративног материјала и ограничена поузданост наратора. Затим се указује на који начин су жанровске карактеристике међусобно повезане са личним психолошким карактеристикама протагонисте Аркадија Долгоруког, проучава се емотивно и рационално стање „младића" и указује се на висок степен његове емоционалности, на импулсивност, недостатак рационалности, дубоку наивност, што га све чини непоуздани наратором.

У наставку чланка анализира се дискурс романа, конкретно мотив „Желим да будем Ротшилд" и показује се како књижевни жанр романа утиче на језички и психолошки аспект наратора. Прво се показује како се протагониста обраћа читаоцу увлачећи га у дијалог. Други анализирани аспект тиче се нараторове дијалектике, тј. чињенице да се он ставља у позицију контраста и конфронтације с читаоцем, што заправо чини његову реалност као адолесцента – борба против света одраслих и незрели понос. Трећи аспект анализе посвећен је употреби разговорног језика који потиче од нараторове моменталне и сирове потребе за пажњом.

У раду се такође даје неколико запажања о идеолошком лику заснована на студијама Т. А. Касаткине, А. Г. Гачеве и Е. В. Степањан-Румјанцеве. На основу тога се наводи да је стил текста повезан са социјалним и моралним „нередом", недостатком Бога и разликом између „родство" и „неродственность". Иако се овде не анализира, наговештава се и даљи развој протагонисте.

Чланак се завршава разматрањем значаја коришћења одређеног књижевног жанра код Достојевског како би се боље истакале психолошке карактеристике протагонисте. На тај начин потврђује се суштина Достојевског као писца-психолога који је заинтересован да истражи све аспекте човекове душе, између осталог, и помоћу одређених књижевних и језичких механизама.

Кључне речи: *Младић*, Достојевски, говор, жанр, психологија, карактеризација, књижевност, лингвистика.